

0-803811

На правах рукописи

М. Казанская

Казанская Мария Николаевна

СТИЛИСТИКА ВВЕДЕНИЯ ПРЯМОЙ РЕЧИ У ГЕРОДОТА

Специальность 10.02.14 –

классическая филология,

византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена на кафедре классической филологии ФГБОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Гаврилов Александр Константинович
Институт истории Российской академии наук

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гринцер Николай Павлович
ФГБОУ ВПО «Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при президенте Российской
Федерации»

кандидат исторических наук, доцент
Шарнина Ариадна Борисовна
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
педагогический университет им.
А. И. Герцена»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится «13» февраля 2014 года в 16 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 11, филологический факультет, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке КФУ
Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «13» декабря 2013 г.

853051

И. о. ученого секретаря
диссертационного совета
профессор

А. Л. Верлинский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Использование речей в «Истории» Геродота издавна привлекало внимание исследователей не только как одна из отличительных черт античной историографии, но и как свидетельство о восприятии историком и его современниками тех или иных исторических деятелей; при этом основное внимание уделялось содержательному анализу речей и их функции в повествовании. В последнее время назрела необходимость в специальном изучении таких «формальных» аспектов речей, как способ их введения в рассказ автора, и соотношение со словами персонажа. Существование данной лакуны отмечается в работах, посвященных речам у древних историков (Э. Фостер). Сказанным обусловлена **актуальность** предпринятого исследования.

Объектом исследования является введение прямой речи в «Истории» Геродота; **предметом** – особенности введения слов персонажей в авторское повествование, свойственные стилю Геродота, в связи с чем рассматриваются обрамляющие (непосредственно вводящие и закрывающие прямую речь) фразы и анализируется соотношение прямой речи с контекстом ее появления.

Цель диссертационного исследования заключается в лексико-семантическом анализе элементов обрамляющих фраз, участвующих во введении прямой речи у Геродота, а также в изучении стилистических и художественных явлений, типичных для перехода от речи персонажей к повествованию автора. Данная цель потребовала решения следующих задач:

- 1) рассмотрения особенностей употребления указательных местоимений, характеризующих слова персонажа в обрамляющих фразах;
- 2) выявления стилистических и художественных принципов, обуславливающих отбор информации при обозначении собеседников;

3) классификации мотивировок говорящего, а также реакций собеседника;

4) анализа особенностей употребления глагольных времен во фразах, обрамляющих прямую речь;

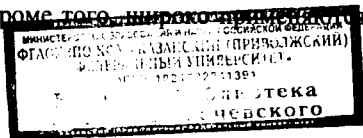
5) исследования модификаторов, используемых при введении прямой речи, и описания их воздействия на читательское восприятие слов персонажа;

6) определения основных конструкций и выражений, отличающих стиль речей от стиля авторского повествования;

7) изучения стилистического эффекта, производимого словесными переключками (*figurae per adjectionem*) на границе между словами автора и прямой речью.

Материалом исследования послужили 244 пассажа «Истории» Геродота, содержащие прямую речь. Результаты, полученные при анализе введения прямой речи у Геродота, сопоставлялись со схожими явлениями в других текстах древнегреческой литературы архаического и классического периодов – в первую очередь, в эпосе, в монодической и хоровой лирике, в современной Геродоту драме, у логографов и у позднейших прозаиков (Гомер, Гесиод, Солон, Каллин, Пиндар, Эсхил, Софокл, Еврипид, Ферекид, Гекатей, Платон, Фукидид, Ксенофонт, Плутарх и др.).

В диссертации используются **методы**, принятые при анализе текстов, написанных на древних языках. Учитываются данные текстологии и палеографии – рукописные разночтения, коньектуры и толкования, предлагавшиеся разными издателями Геродота. При определении смысловых оттенков, присущих словам и выражениям, используется сопоставительно-аналитический метод. Кроме того, широко используются достижения нарратологии.

Теоретической базой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных специалистов, посвященные стилю Геродота (А. И. Доватур, Ф. Якоби, В. Али, Д. Бедкер), истории древнегреческой стилистики (Э. Норден, Дж. Д. Деннистон, Ж. Юмбер), проблемам древнегреческой семантики и синтаксиса (Я. Ваккернагель, Э. Бенвенист, П. Шантрен). При анализе семантики во внимание принимались работы по этимологии и древнегреческому словообразованию (П. Шантрен, Х. Фриск, Э. Риш, Мейер-Брюггер). Учитывался опыт дискурсивного и прагматического анализа древнегреческих текстов А. Рийксбарона, Э. Й. Баккера, использовались результаты нарратологического разбора античных авторов (И. де Йонг, Р. Ньюлист, Дж. Гретлейн).

Гипотеза исследования состоит в том, что фразы, вводящие и закрывающие прямую речь, помимо своих основных – структурной и информативной – функций выполняют менее заметную, но не менее важную функцию «соразмерения слов и обстоятельств», поскольку, подчеркивая различие между объективным авторским видением ситуации и субъективными мнениями ее участников, они позволяют Геродоту представить слова персонажей в должной перспективе.

Научная новизна диссертации заключается в разностороннем описании нарративной границы, разделяющей авторское повествование и слова персонажа в «Истории» Геродота. Рассматривается не являвшаяся ранее предметом отдельного анализа специфика употребления глагольных времен в обрамляющих фразах. В результате сопоставительного анализа уточняются оттенки значения, свойственные различным типам указательных местоимений. Предлагается обзор средств, с помощью которых Геродот передает интенсификацию или ослабление, нюансируя тем самым свой рассказ. Описывается использование повторов и переключек на границе между авторским повествованием и речью персонажа, а также анализируются стилистические эффекты данного

приема. Исследуется происхождение и особенности употребления инцизы *ἔφη λέγων* «сказал, говоря», широко распространенной в позднейших произведениях древнегреческой прозы.

Теоретическая значимость работы определяется введением в научный оборот систематического описания одного из малоизученных аспектов геродотовского стиля. Полученные результаты могут представлять ценность не только для исследователей текстов Геродота, но и для ученых, работающих над стилистикой древнегреческой литературы в ее историческом развитии.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы при чтении и комментировании текстов Геродота на семинарских занятиях, в углубленных курсах по древнегреческой грамматике и греческой стилистике. Уточнения в сфере лексической семантики и словоупотребления окажутся полезны для будущих переводов греческой прозы.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Фразы, вводящие и закрывающие прямую речь, играют важную роль в повествовании, поскольку они не только выделяют начало и конец речи, как это делают кавычки в современных изданиях, но и содержат элементы, указывающие на отношение Геродота к словам своих персонажей, характеризующие отношения между собеседниками и коммуникативную ситуацию в целом.

2. Геродот воздерживается от прямых оценок слов и личности говорящего, особенно перед прямой речью: этим объясняется редкость использования качественных прилагательных, характеризующих реплику, и существительных, указывающих на ее общую тональность. Историк отдает предпочтение указательным местоимениям, оставляя тем самым читателю свободу оценки персонажей на основании их слов и поступков.

3. В так называемых обрамляющих фразах неизменно присутствуют элементы косвенной характеристики, причем вполне нейтральные выражения получают в рамках коммуникативной ситуации новые коннотации и указывают на антагонизм, намеренную сдержанность говорящего, превосходство одного из собеседников и другие аспекты реплики.

4. Использование глагольных времен на границе между повествованием и прямой речью в силу нарративных особенностей данной позиции отличается от их использования в основном повествовании. В частности, разница между формами имперфекта и аориста глаголов говорения заключается в выражении не продолжительности, а степени решительности тона речи.

5. Выделение слов персонажа у Геродота отличается большим разнообразием, чем в поэмах Гомера; однако инвариантность общей структуры фраз, обрамляющих прямую речь, ощущается у Геродота сильнее, нежели у Ксенофонта и Платона. Таким образом, сопоставление стилистических особенностей введения речей у Геродота с литературной традицией подтверждает значение «Истории» в развитии древнегреческого литературного стиля вообще и в становлении греческой прозы в частности, которое отмечалось Дж. Д. Деннистоном.

6. Помимо обрамляющих фраз, граница между прямой речью и повествованием маркируется внутри самой речи: так, на переход к словам персонажа могут указывать обращения, личные местоимения первого и второго лица, а также выражения, не свойственные языку авторского повествования.

7. Наряду с разграничением прямой речи и повествования наблюдается обратный процесс: речь заново связывается с повествованием через повторы и так называемые словесные переключки (*figurae per adjectionem*). Данный стилистический прием, позволяющий сохранить

единство рассказа и не допустить впечатления о его раздробленности, Геродот перенял из устной традиции и эпоса, развив при этом области его художественного применения.

Апробация исследования. Теоретические положения и результаты работы обсуждались на следующих конференциях: Шестые чтения памяти А. И. Зайцева (СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2011 г.), Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания (Томск, Томский гос. ун-т, 2011 г.), 41 международная филологическая конференция (СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2012 г.), Шестнадцатые чтения памяти И. М. Тронского (СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2012 г.), Sessions de linguistique et littérature (Эвиан, ассоциация французских филологов CLELIA, 2013 г.), а также на научных семинарах: RODOPIS: Ricerche a confronto (Тренто, Università degli studi di Trento, 2011 г.), Journée d'études de l'École doctorale I – Mondes antiques et médiévaux (Париж, Paris-Sorbonne, 2012 г.).

По теме диссертации опубликовано пять работ общим объемом 3, 54 п. л., из них три – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование объемом 241 стр. состоит из введения, шести глав, заключения, а также списка использованных изданий античных авторов, словарей и научной литературы (222 наименования, в том числе на иностранных языках).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение состоит из двух частей. В первой обосновывается тема диссертационного исследования. Во второй дается общее описание работы, формулируются ее основные цели и задачи, а также характеризуются особенности выбора материала и подходов, применяемого при его исследовании.

Первая глава «Введение прямой речи в греческой литературе архаического и классического периодов: История изучения вопроса» содержит обзор научной литературы, в частности, анализируются исследования, посвященные 1) вводу прямой речи в древнегреческой литературе архаического и классического периодов; 2) прямым речам у Геродота; 3) комментарием к «Истории» Геродота и ее отдельным книгам. Подобная структура научного обзора обусловлена отсутствием монографических описаний, посвященных особенностям введения прямой речи у Геродота, а также недостаточной изученностью данной проблемы на материале греческой литературы в целом. Отдельные замечания, полезные для реферируемой работы, «разбросаны» по комментариям и исследованиям, посвященным иным вопросам и авторам, и само разнообразие научных работ определило их раздельное рассмотрение.

Вначале представлен обзор исследований, посвященных выделению прямой речи в греческой литературе архаического и классического периодов, выполненных в основном на материале поэзии, поскольку во фрагментах ранних прозаиков прямая речь представлена недостаточно. Наиболее подробно введение прямых речей изучалось на материале гомеровских поэм, причем изначально вводные стихи привлекли внимание исследователей в силу своего формульного характера. Так, уже основатель формульной теории М. Перри иллюстрировал принципы гомеровского использования формул, состоящих из имени и эпитета (*noun-epithet formulas*) и отличающихся эквивалентной метрической структурой, на примере формульного стиха *τὸν (τῇν) δ'ᾄκειβεν' ἔλετα Χ* («ему/ей затем отвечал Х»), регулярно открывающего прямую речь персонажей, формулы *ὥς φητο Χ* («так он сказал/так она сказала Х»), которая регулярно отмечает конец прямой речи, а также стиха *τὸν (τῇν) δ'αὖτε προσέειπε Χ* («к нему / к ней в свою очередь обратился Х»), вводящего ответные реплики в диалоге.

Стихи, обрамляющие речи персонажей, продолжали использоваться в качестве примеров и после Перри. Однако с изменением отношения к формулам (и, в частности, с введением понятия синонимичности эквивалентных формул), изменился и подход к формульным стихам, вводящим прямую речь; значительное внимание стало уделяться семантическому аспекту. Постепенно формульные стихи и полустихия стали представлять научный интерес не только как иллюстративный материал, но и сами по себе. Наконец, в последние десятилетия под влиянием нарратологии вводные и заключительные стихи начали восприниматься как один из важных элементов, участвующих в построении и структурировании эпического повествования, обеспечивающих переход от повествования к речи и наоборот.

Далее следует обзор работ, посвященных речам в «Истории» Геродота. Несмотря на то, что исследователи до сих пор уделяли основное внимание содержанию и художественной функции речей, а вопросы введения их в повествование затрагивались лишь вскользь, полученные ими результаты и отдельные наблюдения учитывались в диссертации.

Заключительную часть главы составляет обзор комментариев к «Истории» или к ее отдельным книгам. Текст Геродота настолько богат, что подходы к его комментированию отличаются большим разнообразием (общий комментарий, исторический и прагматико-лингвистический комментарий). В процессе исследования учитывались исторические комментарии Вирджилио и Скотта также общие комментарии и лингвистический комментарий к избранным отрывкам «Истории» Я. М. ван Опуйзена и П. Сторка.

Вторая глава «Обозначение прямой речи» посвящена способам обозначения прямой речи во фразах, вводящих и закрывающих ее: рассматривается использование указательных местоимений, существительных, субстантивированных прилагательных и причастий.

Слова персонажей в обрамляющих фразах наиболее часто обозначаются местоимениями – указательными *τάδε* и *ταῦτα*; качественными *τοιάδε* и *τοιαῦτα*; количественными *τοσόνδε* и *τοσαῦτα*. В каждом случае первый коррелят пары используется, как правило, анафорически, в конечной позиции во вводной фразе; тогда как второй коррелят используется катафорически и обычно ставится в начале заключительной фразы. Вопреки ожиданиям, полной симметрии в использовании во вводных и заключительных фразах коррелятов *τοιάδε* и *τοιαῦτα*, и тем более *τοσόνδε* и *τοσαῦτα*, не наблюдается.

В разделе 2.1.1 анализируются случаи отсутствия указательного местоимения, что чаще всего происходит во вводных формулах. Различие между вводными фразами с выраженным и невыраженным дейксисом демонстрируется при помощи сопоставления конструкции *λέγων τάδε* и простого причастия *λέγων*. Когда Геродот использует упомянутую конструкцию, внимание читателя сосредоточивается на содержании речи, в то время как причастие *λέγων* без указательного местоимения выделяет предикат (зачастую не являющийся формой глагола говорения в строгом смысле слова) и выводит на первый план произнесение речи. Отмечается, что наличие или отсутствие указательного местоимения также зависит от типа вводной фразы и от глагола. В частности, *ὑποκρίνεσθαι* «решительно ответить», *ἀμείβεσθαι* «ответить», *χεῖν* «предсказать» регулярно сопровождаются указательным местоимением, тогда как *εἰπεῖν* «сказать» изредка сочетается с *τάδε*, а с *φάναι* «говорить, утверждать» местоимение *τάδε* не встречается вовсе.

В разделе 2.1.2 рассматривается смысловое различие между употреблением во вводных фразах двух местоимений – указательного *τάδε* и качественного *τοιάδε*. Анализируются существующие в научной литературе интерпретации этих местоимений, а также их функционирование в текстах Геродота. Сравнительный анализ пассажей

показывает, что *τοιᾶδε* акцентирует внимание на общем тоне речи: этим объясняется то, что среди речей, вводимых качественным местоимением, встречаются как реплики с неодобрительной интонацией, так и те, которые не соответствуют моральным нормам, и к которым Геродот относится с неодобрением.

Корреляты *τοιᾶδε* и *τοιᾶῦτα* отличаются сферами употребления: *τοιᾶδε* используется при вводе прямой речи и в основном зависит от глагола *λέγειν*, а его более редкий коррелят *τοιᾶῦτα*, как правило, маркирует конец косвенной речи и лишь изредка используется во фразах, закрывающих прямую речь.

Наиболее заметно расхождение в употреблении между местоимениями *τοσόνδε* (которое встречается только во вводных фразах и стоит в форме единственного числа) и *τοσαῦτα* (которое появляется только в заключительных фразах в форме множественного числа). Это синтаксическое различие связано с семантикой рассматриваемых местоимений. При использовании *τοσόνδε* в вводных фразах отчетливо ощущается количественный аспект: местоимение обозначает, как правило, реплики более короткие, нежели можно было бы ожидать, исходя из обстоятельств. Его коррелят *τοσαῦτα* таким семантическим оттенком не отличается, но зато используется лишь в строго определенных условиях: оно встречается после последней реплики диалога и подчеркивает, что по прошествии некоторого времени сказанное будет иметь продолжение.

Наконец, отдельно анализируется нетипичное для геродотовского стиля обозначение прямой речи при помощи местоименного наречия *ᾧδε* в Hdt. 1, 115. Этот единственный пример объясняется стремлением автора выделить манеру маленького Кира и тем самым привлечь внимание читателей (слушателей) к несоответствию между независимостью слов мальчика и его зависимым положением (в тот момент Кир еще считается сыном волопаса).

Раздел 2.2, посвященный описанию *существительных, обозначающих речи* в «Истории», открывается обсуждением синонимов *λόγος* и *ἔπος* с точки зрения особенностей их семантики и употребления; кроме того, уточняются случаи, в которых семантическое различие между *λόγος* и *ἔπος* нейтрализуется. Вместе с тем рассматриваются особенности употребления более редких и специфических существительных, обозначающих речь (*ῥῆσις* «речение», *ῥῆμα* «речь (передаваемая или воспринимаемая)», *φήμη* «предсказание, молва», *φάτις* «слух», *φωνή* «голос; осмысленное высказывание», *ἀπειλή* «угроза», *παράινεσις* «совет», *ὄνειδος* «порицание» и др.). Отмечается, что Геродот предпочитает не давать прямой характеристики словам своих персонажей и потому редко использует слова второй группы во вводных фразах; поэтому их появление во фразах, закрывающих прямую речь, зачастую оказывается связанным со вторичной фокализацией.

Субстантивированные причастия (*τὰ λεγόμενα*, *τὸ λεχθέν*, *τὰ λεχθέντα*, *τὰ ῥηθέντα*, *τὸ εἰρημένον*), которые обсуждаются в разделе 2.3, встречаются преимущественно при обозначении только что приведенных слов, и потому их употребление ограничено заключительными фразами и фразами, вводящими ответную реплику в диалоге. Несмотря на то, что упомянутые причастия образованы от глагола *λέγειν* и дополняющих его супплетивных форм, сферы их употребления несколько отличаются.

Субстантивированные прилагательные обсуждаются в разделе 2.4. Редкость их использования в обрамляющих фразах объясняется упомянутой выше тенденцией Геродота воздерживаться от прямых характеристик в авторском повествовании. В разделе анализируются несколько исключений, в которых субстантивированные прилагательные передают прямую авторскую оценку (*βάρβαρα τε καὶ ἀτάσθαλα* «варварские и нечестивые слова» в Hdt. 7, 35) или оценку слов с точки зрения участников диалога (*Ὡς δέ σφι ἄσκημα ἔφραζε* «поскольку он говорил им

непонятно» в Hdt. 1, 86; *Ἡ μὲν δὴ τὰ ἐπαγωγότατα διδαχθεῖσα ὑπὸ τοῦ πατρὸς ἔλεγε πρὸς αὐτόν* «по наущению отца, она сказала [Ликофрону] то, что более всего могло его убедить» в Hdt. 3, 35).

В третьей главе «Обозначение участников коммуникативного акта» рассматриваются особенности обозначения говорящего, адресата речи и обоих «участников диалога».

Первый раздел главы посвящен обозначению говорящего по имени, причем особое внимание уделяется вопросу использования артикля при имени собственном, а также употреблению имени собственного с указательным местоимением в конструкциях *ὁ δὲ Χ οὗτος* – *οὗτος ὁ Χ* – *οὗτος δὲ ὁ Χ*.

Патронимы при обозначении говорящего могут появляться, если персонаж ранее не был представлен; однако чаще их появление мотивируется соображениями стилистического характера, например, желанием представить собеседников имеющими равную силу и влияние либо косвенным образом привлечь внимание читателя к тому, что персонажи (как правило, невыгодно) отличаются друг от друга.

Сложность для писателя представляет обозначение говорящего при опосредованном общении – в тех случаях, когда речь передается через вестника, слуг или переводчика. Геродот, предпочитавший обходиться без лишних повторов, мог выбирать между двумя возможностями. В первом случае один из двух этапов передачи информации (поручение, которое адресант дает вестнику, либо – реже – сообщение, передаваемое адресату) резюмируется в виде косвенной речи, тогда как второй этап передается в виде прямой речи. Во втором случае в качестве говорящего предстает сам адресант, а на посредничество вестника указывает только согласованное причастие или предложная конструкция.

Отмечается, что посредничество слуг и переводчиков у Геродота упоминается далеко не всегда даже в тех случаях, когда можно

предполагать, что общение между собеседниками происходит не «напрямую». Упоминание присутствия переводчиков нередко выполняет художественную функцию и подчеркивает отсутствие взаимопонимания между собеседниками (ср. Hdt. 1, 86 и Hdt. 3, 139). Неслучайно, что, после того, как недопонимание преодолено, Геродот представляет общение между Крезом и Киром (Hdt. 1, 86) и между Дарием и Силосонтом (Hdt. 3, 139) как происходящее без посредников, хотя в обоих случаях персонажи, разумеется, по-прежнему общаются через переводчиков.

В разделе 3.2 рассматриваются случаи, в которых говорящий субъект обозначается не по имени, а по своему ремеслу, общественному положению или должности. Иногда можно предположить, что такое обозначение объясняется тем, что Геродот просто не знал имени одного из собеседников (см. случай со слугой Онесилая в Hdt. 5, 111), но в иных ситуациях видно, что в опущении имени следует видеть дифференциацию участников коммуникативного акта (ср. Hdt. 3, 50). Особую категорию составляют примеры опущения имен женщин (особенно женщин с неоднозначной репутацией или безвинно пострадавших).

Прямую характеристику говорящему Геродот дает редко, оставляя своим читателям (слушателям) свободу оценки. Как правило, это происходит в тех ситуациях, когда оценка может быть только однозначной (так, Артаинт в Hdt. 9, 116 характеризуется как *δεινὸς δὲ καὶ ἀτάσθαλος* «жестокий и нечестивый»). Более распространены характеристики говорящего по отношению к ситуации или же с точки зрения собеседника.

Напротив, мотивация говорящего во вводных фразах указывается регулярно и, как правило, выражается при помощи причастия. В разделе 3.4 перечисляются наиболее распространенные обозначения мотивировок; отдельно описываются примеры двойных мотивировок (в частности, разбирается диалог Левтихида и Гегесистрата в Hdt. 9, 91, в котором Геродот предполагает два возможных мотива, которыми мог

руководствоваться Левтихид, не отдавая предпочтения ни одному из альтернативных объяснений).

В «Истории» есть целый набор речей, которые произносятся от лица группы, и в таких сценах обозначение говорящего представляет для Геродота определенную сложность, которую он решает тремя способами. Во-первых, Геродот прямо указывает, что речь произносилась от имени группы лиц: *ἐκ πάντων* «от всех» (Hdt. 4, 139); *πρὸ πάντων* «за всех» (Hdt. 8, 26). Во-вторых, говорящий может обозначаться неопределенным местоимением единственного числа *τις* или *εἷς*: в таком случае подразумевается, что вся группа придерживалась единого мнения, но только один член сформулировал его вслух (данное обозначение продолжает традицию так называемых эпических «*τις*-речей»). В-третьих, Геродот использует форму множественного числа (*ἄγγελοι* «вестники», *Ἀθηναῖοι* «афиняне»): при этом, разумеется, речь произносится только одним представителем группы.

Словесное обозначение собеседника во многом следует тем же принципам, что и обозначение говорящего, в связи с чем в разделе 3.6 рассматриваются в первую очередь причины, которыми Геродот руководствуется при упоминании или, наоборот, отсутствии упоминания собеседника в обрамляющих фразах. И адресант, и адресат называются в начале диалога, но непосредственно во вводной фразе собеседник чаще не указывается (особенно если в начале речи стоит обращение, например, *ὦ Κροῖσε* «о Крез», *ὦ παῖ* «дитя»). Говорящий, напротив, обязательно должен быть так или иначе обозначен. После завершения речи наблюдается прямо противоположная ситуация: упоминание о том, кто именно произнес реплику, факультативно, однако редки такие заключительные предложения, в которых бы не упоминался собеседник и его реакция на сказанное.

Наиболее часто встречающиеся реакции собеседника собраны в последнем разделе главы (3.7). Отдельно отмечается, что список эмоций, которые могут выступать в качестве реакции собеседника, не вполне совпадает со списком эмоций, которые выступают в качестве мотивации говорящего (см. раздел 3.4).

В четвертой главе «Обозначение речевого акта» разбираются глаголы и выражения, которыми обозначается произнесение речи в обрамляющих фразах «Истории» Геродота. Глава делится на две части: в первой дается обзор глагольных времен, встречающихся в обрамляющих фразах; во второй – характеристики, которыми Геродот дополняет обозначение речевого акта (например, описание интонации и жестов).

Представленный в данной главе разбор глагольных времен, используемых при выделении прямой речи у Геродота, в силу специфики материала несколько отличается, с одной стороны, от описания глагольных времен в традиционных грамматиках, а с другой стороны, и от выводов Х. Дик (1995), которая описала употребление форм *λέγει* «говорит», *έλεγε* «говорил», *έλεξε* «сказал», *είπε* «сказал» с позиций прагматики и дискурсивного анализа.

Имперфект является наиболее распространенной временной формой во фразах, обрамляющих прямую речь; аорист же является формой маркированной. Формы имперфекта и аориста от глаголов говорения (к примеру, *έλεγε* и *είπε*) во вводных фразах различаются между собой не оттенком продолжительности, а оттенком решительности, характеризующей речь.

Отдельно анализируется глагольная форма *έφη*, которая, отличается отсутствием аспектуальности (Руйперез 1982) и, соответственно, может быть противопоставлена как *έλεγε*, так и *είπε*. Недифференцированность в плане аспектуальности объясняет как то, что форма *έφη* никогда не сопровождается указанием на точный момент произнесения речи, так и то,

что она регулярно сочетается с причастиями: *ὑποκρινόμενος ἔφη* «сказал, отвечая» (Hdt., 3, 53); *ὑπολαβὼν ἔφη* «подхватив, сказал» (Hdt. 1, 11; 1, 27; 7, 101; 7, 147), *ἀπολυνόμενος ἔφη* «сказал, оправдываясь» (Hdt. 8, 59).

Отдельно обсуждается использование инхотативного имперфекта при описании реакции собеседника, а также при обозначении неудачной попытки (*imperfectum de conatu*). Кроме того, рассматриваются случаи, в которых имперфект указывает на неоднократное повторение речи (Hdt. 1, 60; 7, 5).

В форме аориста глагол говорения употребляется в тех случаях, когда реплика характеризуется решительной интонацией или окончательностью суждения. Форма *εἶπε* наиболее часто используется применительно к репликам, которые оказываются решающими для последующего развития событий. Данные реплики ответа не требуют, и их формулировка зачастую отличается лапидарностью. В заключительных фразах формы аориста встречаются чаще, поскольку они подходят для обозначения эмоциональной реакции собеседника на произнесенные слова; кроме того, аорист может передавать претворенное в жизнь намерение.

Использование *praesens historicum* при выделении прямой речи обнаруживает сходство с аористом: реплика, введенная глаголом говорения, стоящим в настоящем времени, неизменно оказывается выделенной среди других. *Praesens historicum* подчеркивает связь слов с развитием событий: такие реплики зачастую оказываются «поворотными» для сюжета. В заключительных фразах *praesens historicum* может способствовать созданию эффекта быстрого развития событий.

В непосредственной близости от прямой речи также может использоваться плюсквамперфект. Перед вводом прямой речи плюсквамперфект используется в тех случаях, когда Геродот прибегает к аналепсису, чтобы восполнить недостающую информацию. После прямой

речи плюсквамперфект может указывать (а) на то, что диалог завершился, но будет иметь важные последствия в будущем (ср. Hdt. 6, 130), либо (б) на паузу, перерыв в беседе (Hdt. 7, 10).

В разделе 4.2 обсуждаются характеристики, дополняющие обозначение речевого акта. Геродот в своем повествовании, как правило, отдельно не уточняет, с какой интонацией произносилась речь, если читатель может восстановить ее, исходя из содержания. Однако существует несколько исключений. Во-первых, указание на громкий возглас, который не включается в прямую речь, обозначается во вводных фразах устойчивыми выражениями *μέγα ἀμβώσας* «громко вскрикнув» (Hdt. 1, 8; 3, 38; 7, 18) и *μέγα ἀναστενάζας* «громко застонав» (Hdt. 6, 80). Во-вторых, если слова персонажа не вполне отражают его чувства, Геродот отдельно характеризует манеру говорящего при помощи наречия, например, *ῥηίως* «благожелательно» (Hdt. 8, 60).

Напротив, жестикуляция, которой говорящий сопровождает свою речь, как правило, упоминается отдельно в повествовании, даже если читатель может ее «вычислить», исходя из использования указательных местоимений внутри речи персонажа. Отдельное обозначение жеста часто выполняет в повествовании художественную функцию, подчеркивая переломный момент диалога или усиливая эффект речи (ср. слезы перса в Hdt. 9, 16), или жест оскорбленного Демарата, который в Hdt. 6, 67 уходит из театра, закрыв лицо). Важную художественную функцию в «Истории» несет смех, который служит указанием на то, что смеющегося персонажа в более или менее близком будущем постигнет несчастье – крах планов, военное поражение, смерть (Латейнер 1977). Кроме того, жест может стать кульминационным моментом в сцене – особенно в тех случаях, если речь идет о жесте символическом (ср. Hdt. 3, 32 и 8, 137).

Наконец, Геродот может указать в повествовании на нетипичный аспект речевого акта, например, быструю реакцию или неожиданную тактику, выбранную говорящим.

В пятой главе, посвященной так называемым модификаторам, рассматриваются слова, которые не меняют основного смысла фразы, не привносят новой информации, однако позволяют Геродоту нюансировать описание различных аспектов диалога – например, подчеркнуть большую или меньшую эмоциональность реакций собеседников или настойчивости, с которой произносится речь). В роли подобных модификаторов могут использоваться самые разные выражения; вследствие чего явления, которые в традиционных грамматиках, как правило, представлены раздельно, в данной главе рассматриваются в совокупности. Анализируются три основных феномена: интенсификация, ослабление и употребление частиц.

Интенсификация может передаваться различными лексическими и грамматическими средствами. Морфологическая интенсификация (с помощью усилительных приставок *ὑπερ-* и *περι-*) используется в основном для того, чтобы охарактеризовать реакцию персонажа как очень сильную (или более сильную, чем ожидалось). Обе словообразовательные модели являются продуктивными, и, поскольку значительная часть образований с данными префиксами представляют собой *hapax legomena* не только у Геродота, но и во всей греческой литературе, можно предположить, что часть из них является окказионализмами, созданными Геродотом специально для определенного контекста.

Эти близкие приставки различаются как некоторыми особенностями словообразования (*ὑπερ-* у Геродота обычно усиливает причастия, а *περι-* – прилагательные), так и употребления. Во-первых, с точки зрения семантики приставка *περι-* не передает того оттенка чрезмерности, который нередко заметен в аналогичных образованиях с приставкой *ὑπερ-*. Во-

вторых, если приставке *ὑπερ-* присущ оттенок сопоставления (либо эмоция проявляется с большей силой, нежели того требуют обстоятельства, либо эмоциональная реакция по силе существенно превосходит ожидания), то приставка *περι-* отличается оттенком субъективности.

К лексическим средствам интенсификации относятся прилагательные, указывающие на количество, как простые (*πολλός* «многий», *μέγας* «большой», *μύριος* «несметный»), так и образованные при помощи *ἀ-* *privativum*: *ἄφθονος* «обильный», *ἄπλετος* «неизмеримый». В схожей функции используются также наречия *κάρα* «сильно, очень» и *πάῃ* «весьма». Разделы 5.1.2 и 5.1.3 посвящены описанию особенностей их употребления во фразах, обрамляющих прямую речь.

При ослаблении – эффекте, противоположном интенсификации, – качество предстает как проявляющееся в неполной степени, а действие – как несколько расплывчатое или вызывающее у историка определенные сомнения. В обрамляющих фразах элементы ослабления встречаются не так часто, как интенсификаторы. Однако есть несколько примеров ослабления, выраженного морфологическими средствами (*ὑπομαρῦότερος* «не вполне в себе» в Hdt. 3, 29 и 3, 145), а также ослабления за счет использования *κη* и *κον* (*ταῦτά κη λέγοντες...* «говоря примерно так...» в Hdt. 1, 97).

Наконец, частицы присутствуют в подавляющем большинстве обрамляющих фраз и непосредственно напрямую влияют на представление реплики и того эффекта, который она производит. Наиболее распространено (и соответственно, наименее маркировано) сочетание частиц *μέν... δέ...*, основной функцией которого является обозначение смены говорящего субъекта. Частица *δή* преимущественно указывает на возобновление авторского повествования после прямой речи, однако иногда это основное значение сопровождается дополнительным оттенком:

частица *δή* указывает на то, что слова имеют мало значения для развития действия. Частица *ἄρα*, встречающаяся во вводных фразах только в трех случаях, подчеркивает динамичность реакции говорящего (Hdt. 1, 141; 4, 134; 9, 9).

В шестой главе рассматривается граница между речью персонажей и авторским повествованием. Наблюдение за тем, как обозначается эта граница, может многое сказать как о стиле автора, так и о литературных вкусах эпохи. Сравнение с литературной традицией показывает, что «История» Геродота отражает переходный этап между строгим оформлением прямых речей в гомеровском эпосе и той свободой и разнообразием, которые отличают диалоги Платона. Как и в эпосе, речи в «Истории» обязательно предваряются вводной фразой. Однако, в отличие от Гомера, Геродот значительно менее строг в отношении обозначения конца реплик: заключительная фраза может опускаться по соображениям повествовательной экономии или ради усиления драматичности диалога.

В разделе 6.2 рассматривается различие между стилем авторского повествования и стилем речей. Смена стиля является одним из показателей перехода от повествования к речи (и наоборот), хотя и менее явным, нежели вводные и заключительные фразы.

Целый ряд конструкций и выражений встречается главным образом в речах (и лишь в исключительных случаях в речах персонажей), как то: именные конструкции (*δίκαιόν ἐστι*, «справедливо, должно»); выражения, принадлежащие к разговорному регистру языка (*οὕτως ἔχει* «вот как обстоят дела»); для речей персонажей характерно использование аориста, презенса, перфекта и будущего времени, тогда как имперфект, *presens historicum* и плюсквамперфект редки; наконец, оценочные суждения и выражения, несущие в себе эмоциональную составляющую, менее маркированы в речах персонажей, по сравнению с авторским

повествованием, в том числе, поскольку они служат для передачи субъективного восприятия ситуации одним из ее участников.

Среди элементов, свойственных авторскому повествованию, можно указать: глаголы, обозначающие мнение или умственную деятельность (*δίκαιῶ* «считать справедливым», *ἀξίῶ* «считать достойным», *οἶδα* «знать»), а также формулы, отличающие деятельность Геродота как исследователя (*τῶν ἡμεῖς ἴδμεν* «из известных нам», *ὥς δ' ἐγὼ δοκέω* «как я полагаю»). Из глагольных времен в повествовании чаще всего встречаются имперфект (аорист используется значительно реже и является маркированным временем), *presens historicum* и плюсквамперфект; наконец, использование *λέξις εἰρομένη* и тмезис отличает язык авторского повествования. В диссертации подчеркивается, что речь идет не о правиле, а о тенденции, отступления от которой – появление явлений, свойственных авторскому языку в реплике персонажа, – могут оказаться значимыми с художественной точки зрения.

В разделе 6.3 представлен обзор различных словесных переключек (*figurae per adjectionem*) на границе между повествованием и речью. Этот стилистический прием, который Геродот перенял у Гомера, имеет целью заново связать повествование и речь после того, как граница между ними была четко обозначена, за счет чего сохраняется единство текста. Дословный повтор отрывка повествования в речи персонажа у Геродота встречается редко, зато часты близкие парафразы, использование синонимов, антонимов и антанаклаз. Подобные переключки, помимо стилистической, выполняют еще и важную художественную роль: за счет тонкого подбора синонимов Геродот передает восприятие сказанного адресатом речи (ср. Hdt. 3, 40-41 и 1, 11).

Последний раздел главы посвящен тем редким случаям, при которых граница между речью и повествованием нарушается. Во-первых, рассматривается явление инцизы (разрыва прямой речи), которое

встречается у Геродота в строго определенных условиях (а именно, когда после представления общего содержания слов персонажа наиболее важная их часть цитируется в виде прямой речи) и вводится выражением *ἔφη λέγων* «сказал, говоря» (Hdt. 1, 118; 1, 125; 3, 156; 5, 49 и 9, 2). Во-вторых, рассматривается единственный пример конструкции *ὅτι recitativum*, при которой прямая речь вводится подчинительными союзами *ὅτι* или *ὥς*, как если бы она была косвенной речью, передаваемой при помощи придаточного предложения. Ни первая, ни вторая конструкция в греческой литературе до Геродота не засвидетельствованы. Наконец, рассматриваются несколько примеров появления авторских пояснений внутри речи.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования введения прямой речи в «Истории» Геродота и формулируются основные выводы работы.

Структура фраз, использующихся при выделении прямой речи, зависит от многих критериев: от отношений между собеседниками, от соотношения между словами персонажа и обстоятельствами, в которых они произносятся, от того, как Геродот оценивает персонажа. На форму, которую принимают обрамляющие фразы, влияют принципы повествовательной экономии и стилистики.

Несмотря на то, что Геродот предпочитает не давать прямой оценки словам персонажей, обрамляющие фразы содержат элементы косвенной характеристики коммуникативной ситуации. Так, местоимение *τοιαύδε* привлекает внимание читателя к общему тону речи, заставляя его задуматься о чувствах и мотивах, движущих говорящим, а также об искренности или неискренности произносимых слов. Аналогичным образом, использование *praesens historicum* при введении реплики диалога характеризует ее как поворотную для сюжета. Конструкция *πρὸς ταῦτα* «на

это» при введении ответной реплики указывает на некоторый антагонизм, существующий между собеседниками.

Значимым оказывается обозначение собеседников и выбор информации, которую Геродот считает нужным указать, в частности, патроним акцентирует внимание на сходстве / различии между сыном и отцом, а использование неопределенного местоимения вместо имени говорящего характеризует оглашенное решение как отражающее мнение всей группы.

Наконец, Геродот вводит дополнительные нюансы в описание коммуникативной ситуации и эффекта, производимого речью на собеседника, с помощью модификаторов.

Исследование показало, что граница между прямой речью и общей тканью авторского рассказа подчеркивается за счет различий в стиле. Ряд конструкций, свойственных речам, вообще не встречается в повествовании. Напротив, некоторые выражения, свойственные авторскому стилю, могут появляться в речи персонажа, но в таком случае они, как правило, характеризуют его с отрицательной стороны.

Геродот перенимает использование повторов и словесных переключек на границе между прямой речью и повествованием у своих предшественников, но развивает художественное применение данного стилистического приема, в частности, косвенным образом указывая на невысказанные мысли или душевные движения участников коммуникативной ситуации.

В сравнении с другими представителями древнегреческой литературы архаического и классического периодов, выделение прямой речи у Геродота отражает переходный этап. С поправкой на жанровые отличия можно резюмировать, что введение слов персонажей у Геродота, с одной стороны, отличается большей свободой, чем тот относительно ограниченный формульный инструментарий, которым обозначались

границы речи в гомеровском эпосе. В частности, некоторые конструкции (такие как инциза) впервые засвидетельствованы именно в «Истории». С другой стороны, речи персонажей у Геродота вводятся с большей строгостью, чем у позднейших прозаиков.

Основные положения диссертации отражены в пяти публикациях; из них три статьи опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Kazanskaya, M. N. *ὑπολαβὼν ἔφη (εἶπε)* chez Hérodote: les particularités d'usage / M. N. Kazanskaya // Acta linguistica Petropolitana : труды института лингвистических исследований РАН. – 2008. – № 4.1. – С. 96-117.

2. Kazanskaya, M. N. Black and White : Scholia and Glossographers on the Colour of *φρένες* / M. N. Kazanskaya // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII : Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского / под ред. Н. Н. Казанского. – СПб.: Наука, 2013. – С. 343-367.

3. Казанская, М. Н. Источник новеллы об Адрасте (Hdt. I, 34-45) / М. Н. Казанская // Hyperboreus. – 2011. – № 16-17. – С. 46-59.

4. Kazanskaya, M. The Role of Letters in Polycrates' Destiny / M. Kazanskaya // Atti dei seminari di antichità classica e del vicino oriente antico: Ricerche a confronto / ed. V. Gheller. – Trento: Edizioni Saecula, 2013. – С. 46-53.

5. Kazanskaya, M. Le rituel de l'*ἵκετεία* chez Hérodote / M. Kazanskaya // Camenulae. – 2013. – № 9. – С. 1-17. URL : http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/KANZANSKAYA_BaT.pdf.

Казанская Мария Николаевна
Стилистика введения прямой речи у Геродота

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 13.12.2013г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 3345.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_leva@mail.ru
<http://www.levaprint.ru>

10~